

— ...У неё же есть и другие особенности, верно? — спросил Пэн Цзэфэн.

Юй Фэн тут же выдал целый список:

— Например, высокий хвост? Энергичность? Миловидность?

Пэн Цзэфэн посмотрел на него, как на глупого оленя, и щёлкнул по лбу средним пальцем:

— Загадочность.

— Разве? Мне кажется, она просто обычная девчонка.

— Твоя интуиция, как всегда, на высоте.

— Ну, мне кажется, ничего так...

Пэн Цзэфэн повернул ручку:

— Заходи сначала.

— Если уж об интуиции говорить, то мне эти старики подозрительны, — Юй Фэн уселся на кровать, бездумно обняв подушку.

— Ага.

— Мне кажется, забота старухи о старике — наигранная. Они что, не муж и жена? — выпалил Юй Фэн, едва Пэн Цзэфэн закрыл дверь. — И дом этот странный. Неужели тут и вправду есть то, о чём ты говорил?

Пэн Цзэфэн ответил:

— Их отношения действительно ненормальны. Заметил? У старухи глаза не по возрасту — в них и жизненная усталость, и пронизательность, и какая-то молодая острота. Что до сверхъестественного — не берусь судить. Выглядит она как самый обычный человек.

Если не считать того, что её аура была сильнее, чем у обычных стариков, и от неё веяло некой неустойчивостью, ничего особого не наблюдалось.

Пэн Цзэфэн подошёл к письменному столу и взглянул на фотографию лисы, висевшую над ним.

Разве в гостевых комнатах принято вешать такие тщательно подобранные декоративные снимки?

— И не только это, — продолжил Юй Фэн, — реакция старика на молитву — это явно не страх перед аллергией. Зачем старухе это скрывать? Хозяйева виллы вызывают кучу вопросов, и мне не терпится во всём разобраться.

— Старуха не простая. Она видела, что её сторонятся, но делала вид, что ничего не замечает, — вела себя в рамках своей роли. Однако мои взгляды она игнорировать не должна была. При её пронизательности не заметить их она не могла. То, что она предпочла отвести глаза, лишь убедило меня в её подозрительности.

Большинство предпочитает белых лис — они красивее. А на этой картине были самые обычные рыжие лисы, шерсть у них не сказать чтобы особо лоснилась. Да и снимок был настолько

реалистичен, будто это не работа фотоаппарата, а запечатлённый человеческим глазом миг.

Лисы, большие и маленькие, жались друг к другу, а в их глазах читались скорбь, ужас и безнадёжность.

Вешать такую фотографию для украшения — весьма зловещая затея. Может, среди хозяев есть фотограф? Вкус, что и говорить, неординарный. Неужели во всех комнатах висят снимки в таком стиле?

Да и комната без окон... Напоминала склеп.

Пока мысли Пэн Цзэфэна блуждали, Юй Фэн продолжал обдумывать загадку хозяев виллы:

— Давай по порядку.

— Если кратко: хозяев виллы должно быть пятеро — двое стариков, молодые хозяин с хозяйкой и твоя «принцесса». Гостей семеро: кроме нас, те пятеро — одна компания, пришли чуть раньше, три девушки и двое парней, — Юй Фэн привык записывать, но сейчас под рукой не было ни ручки, ни бумаги.

Пэн Цзэфэн достал из кармана маленький блокнот с встроенной выдвижной ручкой и бросил ему:

— Держи.

Юй Фэн пролистал и скривился:

— Ты даже в отпуске себя не жалеешь...

Страницы были исписаны разборами случаев, вариантами решений и последними данными о его пациентах.

— Просто делаю пометки, — пояснил Пэн Цзэфэн, заметив, что Юй Фэн задержался на странице с анализом.

— Хрен там просто! Ты просто не можешь о них не думать, — проворчал Юй Фэн, листая дальше.

— Вернёмся к текущей ситуации, — Пэн Цзэфэн сменил тему. — Из пятерых гостей мы видели четверых. Синяя любит притворяться, рыжая чуть странновата, но вроде простая, чёрная холодна и пока ничего не выдаёт, белая внешне солнечная, но на деле себе на уме.

— Белая себе на уме? — Юй Фэн этого не заметил, она казалась ему вполне симпатичной.

— Вижу, она тебе понравилась? Но хитрость — не синоним плохого человека. Пока рано судить, что она за фрукт, — наконец оторвавшись от фотографии лисы, Пэн Цзэфэн снял куртку и повесил её на вешалку слева от стола, затем придвинул стул и сел.

Юй Фэн отпустил подушку, снял куртку и высокий свитер и швырнул всё это Пэн Цзэфэну:

— Мне понравилась её татуировка на шее, красивая. Если с косой — это смерть, то что за существо с длинной цепью?

Пэн Цзэфэн встал, чтобы повесить одежду, и бросил взгляд на шею Юй Фэна:

— У тебя слишком светлая кожа, тату будет плохо видно.

— Так вот почему ты тогда втащил меня из тату-салона? — Юй Фэн стащил ещё одну подушку, лёг, укутался одеялом, оставив снаружи лишь голову, потом нащупал примятый блокнот, вытащил его и начал что-то записывать.

— А что, нельзя? — Пэн Цзэфэн и не думал оправдываться.

— Можно, можно, ты всегда прав, — отмахнулся Юй Фэн. — Так на чём мы остановились?

Мягкие чёрные волосы Юй Фэна рассыпались по подушке, и Пэн Цзэфэн вдруг вспомнил их первую встречу. Воспоминание было смутным, но сейчас почему-то проступило с неожиданной чёткостью.

Это было на собрании первокурсников. Юй Фэн как лучший по китайскому поднимался на сцену за грамотой и премией, а Пэн Цзэфэн в зале дремал, изредка пробуждаясь и бросая взгляд на происходящее. Волосы у Юй Фэна были длиннее, чем у большинства парней, чёлка прикрывала лоб — выглядел он даже миловиднее многих девчонок на сцене.

Впрочем, миловидность миловидностью, но большее впечатление на Пэн Цзэфэна произвёл тогда Сюй Тао.

Сюй Тао был первым в параллели, да что там — в городе. Их школа была не самой сильной, занимала второе место, но Сюй Тао, городской чемпион, выбрал именно её. Это само по себе привлекало внимание. А уж когда выяснилось, что у него сотня по математике, физике, химии и английскому, взглядов на него обратилось и вовсе немерено.

Но главной причиной, по которой Пэн Цзэфэн его заметил, стало то, что Сюй Тао поднялся на сцену в шлёпанцах и пляжных шортах. Пэн Цзэфэн тогда ясно прочитал у него на лице: «Хотел бы ещё и майку надеть».

Позже Сюй Тао спросили, почему он выбрал эту школу — из-за стипендии? Он потёр взъерошенные волосы и ответил: «Рядом с этой школой есть интернет-кафе, да и сбегать проще... До той, что подальше, минут двадцать идти...»

А Юй Фэн смотрелся тихоней. Единственный раз, когда он попал в переплёт, — это когда завуч поймал его и заставил подстричься. В остальном учителя на него не жаловались. С тихонями обычно так — глубокого впечатления не оставляют. Но вот именно этот тихоня и стал его ближайшим другом.

— С гостями разобрались, переходим к хозяевам, — сказал Пэн Цзэфэн.

Юй Фэн тем временем набросал несколько вопросов:

1. Где X?
2. Насколько велика вилла?
3. Белая — часть этой странной истории?

Затем он продолжил вслух:

— Так вот, старик и старуха, скорее всего, не муж и жена. В их взглядах нет той близости, что бывает у супругов, да и поведение какое-то утрированное. Зачем им показывать нам такие

отношения? Словно хотят, чтобы мы, пришлые, поверили, будто они и есть хозяева виллы.

— Слишком уж наигранно, естественна лишь девочка, — согласился Пэн Цзэфэн. — Но то, что они живут здесь давно, — факт. Они не чувствуют в этом доме настороженности.

— Может, настоящих хозяев они заперели, а мы так некстати подъехали, вот им и пришлось спектакль разыгрывать? — Юй Фэн продолжил записывать подозрительные моменты:

4. Если старики не муж и жена, зачем им такие роли?

5. Они настоящие хозяева? Если нет, где тогда настоящие?

6. Каковы те, ненаблюдаемые, хозяин с хозяйкой?

7. Кто такая эта загадочная «принцесса»?

Пэн Цзэфэн покачал головой:

— С их-то физической формой такое не под силу. Я помог им дойти до дивана как раз чтобы оценить их состояние. Ноги у них слабые, да и запах тела не поддельный. Они действительно стары.

<http://bllate.org/book/16276/1465576>